

ШЕЛАГИ И ШЕЛАГСКИЙ МЫС

Топоним "Шелагский мыс", служащий названием мыса на побережье Восточно-Сибирского моря к востоку от Чаунской губы, как совершенно справедливо отмечается во многих источниках, связан с загадочным этнонимом "шелаги". Общеизвестно то, что название мыса происходит от названия народа "шелаги", однако и происхождение этого этнонима и этническая принадлежность тех, кого так называли, остается до настоящего времени без объяснения.

В.В. Леонтьев, обсуждая в своем словаре происхождение названия мыса Шелагского, высказывал предположение, что название "шелаги" вошло в обиход и в научный оборот по недоразумению, так как чукча Копай сообщил русскому промышленнику И. Велегину имя своего старшины, однако при этом он не исключал и того, что название шелаги может отражать трансформированное чукотское название жителей Чаунской губы чаальыт [4].

Иного мнения придерживался известный этнограф-сибиревед В.А.Туголуков, который считал шелагов юкагирами, причем как раз той их территориальной группой, представители которой в течение второй половины XVII-XVIII веков проявляли особую миграционную активность и в конце концов затерялись где-то вблизи Арктического побережья между Чаунской губой и устьем Лены [5]. Ранее сходные взгляды высказывали В.Г. Богораз и его ученик П.Ю. Молл [6].

В самом деле, из известных нам материалов легко складывается впечатление, что шелаги – это какой-то особый народ, который жил на Западной Чукотке до того, как там поселились чукчи. А.И. Алексеев, пересказывая книгу Ф.П. Врангеля, пишет: "Здесь повстречали старого чукчу во главе целого стойбища. Этот чукча говорил, что он потомок шелагов, или чаванов, и что от последнего названия и носит свое имя Чаунская губа" [7].

Этноним "шелаги" в разных вариантах фиксируется в документах не ранее первой трети XVIII века. Название "шелаги" фигурирует также в некоторых картографических источниках начала XVIII века. На якутской карте 1710 года имеется надпись "Нос Шелацкой живут люди шелатцково роду" [8]. На Генеральной карте Российской империи 1734 г. на мысе, который ныне именуется Шелагским, имеется надпись "Schelati populus" – "Народ Шелати" (эта форма, странная для восприятия, ниже получит свое объяснение). На Генеральной карте Российской Империи, изданной в 1745 г. этот мыс назван "Нос шалагинской", а указание на таинственный народ уже отсутствует.

Проблема происхождения, этнической принадлежности и этнической истории шелагов могла бы стать одной из историко-этнографических загадок Северо-Востока Азии, однако надо сказать, что вопрос о шелагах мало привлекал внимание исследователей. По сути дела, одним из немногих, кто брался за обсуждение этнической принадлежности шелагов с опорой на известные источники, был В.А. Туголуков, сформулировавший свое видение шелагской проблемы в статье "Предания об уходе юкагиров на острова и "за море".

Кажется, ныне мы получили возможность не только определить значение этнонима "шелаги" и установить этническую принадлежность тех, кто носил это имя, но также и выявить источник устойчивой историко-этнографической традиции считать шелагов и чуванцев одним и тем же народом, причем и тех и других признавать юкагирами. Самое интересное заключается в том, что чукотский старшина сказал Ф.П. Врангелю самую что ни на есть чистую правду о своем происхождении – только его слова не могли понять правильно три поколения ученых. Уже во второй половине XIX века, когда Г. Майдель во время своего путешествия по Вос-

точной Сибири пытался отыскать следы шелагов в рассказах их соседей – чукчей, получил на свои расспросы ответ, что слово "шелаги" – русское, и чукчи о таком народе никогда не слышали: по их словам, Шелагский мыс всегда назывался мысом Эрри и на нем всегда жили чукчи [9]. Сам Майдель писал, что в Нижнеколымске "шелагов считают за одно из племен чукчей. ... На Анадыре тоже ничего не знали о шелагах. Таким образом это имя известно исключительно со слов Ивана Вилегина, который по всей вероятности ошибся – и такого народа, по-видимому, вовсе никогда не существовало" [10].

Много ранее в реальности существования отдельного народа шелагов не без основания сомневался Г.А. Сарычев, описывавший два жилища, найденные на северной стороне Баранова камня: "О жителях сих мест, которые без сомнения должны быть чукчи (курсив наш – А.Б.), сказывали колымские казаки, что они назывались шелагами. По поселении в соседстве с ними россиян перешли они на восток и основали жилище свое близ выдавшегося далее прочих к северу мыса, который с того времени стал называться Шелагским" [11].

В "Топонимическом словаре Северо-Востока СССР" среди географических названий бассейна Чаунской губы засвидетельствовано название Чулек – река, левый приток реки Чаун (Малый Чаун), ее чукотское название реки – Чульын [12]. Соответственно название жителей бассейна этой реки по-чукотски должно было звучать как чульыльыт или чульыт, – что и соответствует как нельзя лучше исконному этнониму "шелаги", казавшемуся таким загадочным в течение стольких лет. Таким образом, шелаги – это жители бассейна реки Чаун и ее притоков, часть жителей берегов Чаунской губы. Таинственная надпись Schelati на карте 1734 года – не что иное, как чукотская форма множественного числа чульыт – собственно "чаунские чукчи, жители долины реки Чаун".

В.И. Иохельсон указал, что верхнеколымские юкагиры называли чуванцев словом шолилау [13] (правда, тут остается неясным, кого называл чуванцами сам В.И. Иохельсон). Как бы ни было, но эта форма явственно отражает образованную от рассматриваемого этнонима форму чукотского эргативного падежа чульыльэ, или, что менее вероятно, форму множественного числа чулг"ылг"у, образованную по корякскому образцу (по-чукотски множественное число этого слова выглядит как чульыльыт).

В рассуждениях о шелагах, присутствующих в трудах довольно большого числа авторов, ускользнули от внимания исследователей те упоминания о них, которые имеются в материалах Я.И. Линденау. Он писал: "... по моим предположениям, коряки образовались от смешения чукчей, шелагов, моноков (скорее всего, омоков = анюйских юкагиров – А.Б.) и камчадалов в результате междусобных войн... Если верить сообщениям, что даже часть шелагов не так давно можно было встретить на Енисее" [14]. В другом месте Линденау пишет: "...пешие чукчи живут для ловления белых медведей около Шалагинского носа, который тако называется, потому что около тамошняго места живали народы, именуемые шалагинские..." [15]

Из этого текста явствует, что уже в первой половине или по крайней мере во второй трети XVIII века этноним "шелаги" не воспринимался как название сколько-нибудь заметного этноса, который был бы представлен на тогдашней этнической карте Северо-Востока. Живущие на мысе Шелагском чукчи, вполне возможно, исторически могли принадлежать к жителям бассейна Малого Чауна – чульыльыт, что и нашло в конце концов свое отражение в русском названии этого мыса. И даже то, что "шелаги" объявились на Енисее получает объяснение – во-первых, на столь большое расстояние к западу от Колымы могли проникнуть прежде всего представители самой западной из территориальных групп чукчей – а

ими-то как раз и были чаунские чукчи, чукчи-чульыльыт, то есть те самые загадочные шелаги. Во-вторых, здесь не исключена и путаница в названиях: здесь, возможно, сыграло роль созвучие названий "шелаги" с названием эвенкийского рода Шилигир, иногда писавшимся как Шиляги [16].

Чукотский старшина, разговаривая с Ф.П. Врангелем, сказал о себе чистую правду – похоже, что он действительно был потомком "шелагов или чаванов" (так у Врангеля), то есть происходил из чаунских чукчей-чаальыт или чульыльыт: эти два названия территориальных групп чукчей так близки по смыслу, что мы сейчас не можем сказать, имелась ли между ними какая-либо разница. Зато теперь мы определенно знаем, что на мысе Шелагском всегда жили именно чукчи, причем те чукчи, которые пришли в эти места с южного побережья Чаунской губы. Из всего имеющегося в источниках материала явствует, что в отношении этнонима "шелаги" дальнейшие поиски какого-то неизвестного племени, притом племени юкагироязычного, представляются бесперспективными. Напротив, то, что Западная Чукотка в середине XVII была заселена чукчами уже в такой степени, что отдельные территориальные группы их уже имели собственные наименования, хорошо согласуется с нашими знаниями топонимики этого региона. Можно отметить, что с середины XVII века здесь не фиксируется самоназвание приморских чукчей ан"к"альыт, и в этом можно видеть косвенное указание на историческую принадлежность чаунских чукчей к оленным чукчам-чавчыват.

М.А.Сергеев высказал свое мнение по вопросу о шелагах в своих историко-этнографических примечаниях к последнему изданию труда Ф.П. Врангеля: "Шелаги, чаваны – видимо, оторвавшаяся от основной массы своего народа восточная группа чукчей. Возможно, что какая-то группа шелагов-чаванов попала в давние времена на современный остров Врангеля. Чукотское предание о таком переселении подтверждается в какой-то степени интересным сообщением Минеева о найденных в 1937 году на этом острове останках старинных поселений" [17]. Здесь явное повторение того, о чем писал Ф.П. Врангель со слов чукотского старшины. Но в приведенном тексте есть одна ошибка: речь должна идти об одной из западных групп чукчей, а не о восточной. В целом же надо признать, что данное мнение по проблеме шелагов оказалось наиболее близким к истине, хотя проблема этнической принадлежности обитателей древних поселений на острове Врангеля требует отдельного обсуждения, и мы вернемся к ней ниже. Был совершенно прав и В.В. Леонтьев, считавший шелагов отдельной группой чукчей, жившей в описываемых местах [18]. Он ошибся лишь в том, что за названием "шелаги" скрывалось не личное имя старшины, а название соседней территориальной группы чукчей – чукчей, живущих на реке Чаун.